

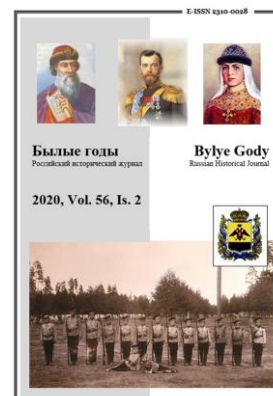
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 898-906. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.898
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Press on the Internal Situation in Germany and Austria-Hungary (1914–1915)

Igor K. Bogomolov ^{a,*}

^a Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the representation of the internal situation in Germany and Austria-Hungary in the Russian periodicals during the initial period of the First World War (August 1914 – July 1915). The war greatly complicated the ways and means of obtaining foreign information, the only source of which remained the official Petrograd Telegraph Agency. Another source was “unofficial information” provided daily by the Main Directorate of the General Staff. Among other things, agency telegrams and General Staff information regularly informed about the socio-economic and political crisis in the camp of the opponents of Russia. Messages about the threat of hunger, falling production, rising unemployment, ethnic hatred in Germany and Austria-Hungary were repeated daily, and their number grew and over time began to exceed the number of reports of hostilities. At first, the press fully shared this point of view and waited for the end of the war no later than in December 1914. However, by the beginning of 1915 there were more and more doubts that Germany would surrender voluntarily and that her position was hopeless. These doubts intensified in the spring of 1915, when, against the background of rising prices in Russia, the food policy of Germany in many articles was for the first time evaluated positively. In the summer of 1915, due to the heavy defeats of the Russian army, the press openly admitted that Russia was opposed by a strong enemy who would not surrender voluntarily. The recognition of the strength of the enemy has become one of the most important factors of the internal political crisis in Russia.

Keywords: Russian periodicals, Petrograd Telegraph Agency, the Main Directorate of the General Staff, Germany, Austria-Hungary, propaganda, World War I.

1. Введение

Масштабные сражения на фронтах Первой мировой войны осенью 1914 г. не принесли на одной из противоборствующих сторон решающего успеха. Ошибочными оказались многочисленные предсказания о скоротечности войны, нереализованными остались планы быстрого разгрома врага. При этом затягивание войны имело не только военно-стратегические, но и серьезные психологические последствия. Правительствам воюющих государств отныне приходилось обращать больше внимания на «внутренний фронт», доказывать населению необходимость терпеть лишения и потери для достижения победы.

Одним из главных пропагандистских приемов было систематическое внушение обществу мысли о медленной, но верной деградации противника, его армии и тыла: о тяжелом экономическом положении, о вспыхнувшей национальной розни, о непопулярности войны, об открытых антивоенных выступлениях и о репрессиях против инакомыслящих. Это был своеобразный «заменитель» победных репортажей с фронта, которые из-за реалий «окопной войны» и цензуры были немногочисленными, немногословными и бедными на подробности.

* Corresponding author

E-mail addresses: boga_igor@mail.ru (I.K. Bogomolov)

Сюжеты о проблемах в стане врага использовались пропагандой всех воюющих государств. Повторяемость и популярность того или иного сюжета зависели от особенностей конкретного вражеского государства, его истории, экономического и географического положения, национального состава. Учитывая эти факторы, положение Германии и Австро-Венгрии изначально представлялось современникам весьма уязвимым. Окруженные врагами, отрезанные от колоний и большей части довоенного импорта, Центральные державы в большинстве прогнозов обрекались на голод, восстания, революции и неминуемое поражение. Активно участвовала в этом и русская периодическая печать, ежедневно сообщавшая об экономическом и политическом кризисе в Германии и Австро-Венгрии. В статье анализируются следующие вопросы: какие сюжеты о противниках России поднимала русская печать, где на газетных полосах размещались сообщения о Центральных державах, каковы были основные источники информации о противниках России в годы Первой мировой войны. Отметим, что тема не потеряла актуальности: регулярное освещение внутренних проблем оппонента остается важной составляющей современных информационных войн между государствами.

2. Материалы и методы

К исследованию привлечены материалы ведущих русских газет периода Первой мировой войны. Прежде всего, это петроградские и московские издания: «Новое время», «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости» и «Русское слово». На общем фоне русского газетного рынка эти газеты выделяются по нескольким параметрам: тиражам, широте охвата аудитории, развитой корреспондентской сети в России и за рубежом, осведомленности и связи во властных «верхах». Каждая из них имеет свои сильные стороны. К примеру, «Русское слово» было самой массовой газетой дореволюционной России: ее ежедневный тираж в августе 1914 г. составлял около 860 тыс. экземпляров (НИОР РГБ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 4. Л. 16). У «Нового времени» тиражи были существенно меньше – 60–65 тыс. в 1914 г. (Боханов, 1984: 37). Но газета А.С. Суворина еще с XIX в. считалась близкой к власти и славилась умением лавировать в зависимости от общественных настроений (Боханов, 1984: 25).

«Русское слово», «Биржевые ведомости» и «Новое время» имели самые развитые корреспондентские сети за границей (Кострикова, 1997: 23). Кадетские «Речь» и «Русские ведомости» имели более скромную читательскую аудиторию, особенно в провинции (Боханов, 1984: 65). Но при этом они старались поддерживать собственные источники информации в Европе. Будучи последовательными оппонентами правительства, кадетские издания старались перепроверять официальные сведения и находить альтернативные источники информации. Другие газеты, даже имея сопоставимый тираж (например, «Утро России» и «Газета-копейка»), уступали в развитии корреспондентской сети и терпимее относились к официальным источникам.

К исследованию также привлечены архивные материалы редакций газет «Русское слово» и «Русские ведомости», Главного управления Генерального штаба, Московского комитета по делам печати, Военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати. Привлеченные документы позволяют выявить, во-первых, источники газет о положении в Германии и Австро-Венгрии, а во-вторых, проследить влияние цензуры и военного командования на репрезентацию в прессе Центральных держав.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности и объективности. Периодическая печать исследуется с учетом конкретно-исторических условий ее функционирования в России времен Первой мировой войны. Историко-типологический метод позволил систематизировать русские дореволюционные газеты в соответствии с их характерными чертами, сходствами и различиями. С помощью историко-сравнительного метода определены позиции газет по поводу противников России, их экономического и внутривластного состояния в годы Первой мировой войны. Важнейшее значение для исследования имеет историческая имагология, предполагающая комплексное изучение образов в общественном сознании.

3. Обсуждение

В историографии тема образа врага в России времен Первой мировой войны поднималась неоднократно. Исследованы различные аспекты репрезентации врага в лубке и в карикатуре (Филиппова, 2012). Сложнее обстоит дело с «большой прессой». Появившиеся в последние десятилетия работы фокусируются в основном на образе врага в одной газете либо в прессе одного политического направления. Общей проблемой является, на наш взгляд, недостаточно критичное, а подчас и недостаточно серьезное отношение к печати как к источнику. Одни исследователи минимизируют самостоятельность дореволюционной печати и встраивают ее в общую пропагандистскую политику правительства (Сенявская, 2006). Другие, наоборот, воспринимают печать как отдельного игрока в информационном поле, который практически не зависел от правительства и даже боролся с ним (Айрапетов, 2003). Материалы прессы о противниках рассматриваются современными историками либо как сплошной вымысел и лживая пропаганда (Асташов, 2012), либо как неопровержимое доказательство военных преступлений и тяжелого

экономического положения Центральных держав (Абдрашитов, 2012). Представляется, что сначала необходимо выявить источники, из которых газеты брали информацию, и прояснить, какое влияние оказывали правительство и Ставка на репрезентацию противников России. Для исследования выбран период с июля 1914 по июль 1915 г., когда уверенность в безвыходном положении Германии сменилась открытым признанием ее силы и стойкости.

4. Результаты

Еще до официального начала мировой войны сообщения из Германии и Австро-Венгрии доходили до России со значительными опозданиями и серьезно сокращались военной цензурой. Заграничные корреспонденты русских газет с большим трудом пересылали в Россию краткие телеграммы, в основном – с просьбой о помощи (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 21. Д. 41. Л. 18). Хуже всего пришлось журналистам, не успевшим покинуть Германию и Австрию: многие из них были интернированы и получили опыт вражеского плена (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 22. Д. 47. Л. 8-9). Хотя некоторым корреспондентам впоследствии удалось восстановить связь с Россией, в целом довоенные каналы передачи информации из Европы были нарушены.

Сложнее всего было получить новости из Германии и Австро-Венгрии. Корреспонденты получали их в основном от подданных нейтральных стран, чаще всего – с опозданием и за большие деньги (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 22. Д. 47. Л. 13-15). Частично проблему решали еженедельные обзоры и статьи, однако ни о какой оперативности собственных корреспондентов не могло быть и речи. Единственной альтернативой оставалось официальное Петроградское телеграфное агентство (ПТА).

В отличие от редакций газет и журналов, ПТА вовремя позаботилось о каналах связи с военной Европой. Еще в конце июля 1914 г. берлинскому корреспонденту агентства А.И. Маркову было предписано в случае «осложнений» перебраться в Копенгаген и организовать там новый центр получения информации. Хотя в Берлине пришлось оставить жену и почти все личные вещи (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 172), Марков сумел избежать германской тюрьмы, быстро обосновался в Копенгагене и установил стабильную связь с Петроградом. Выбор в пользу датской столицы был стратегически верным. Как позднее писал сам Марков, именно из Копенгагена воюющие государства узнавали о положении в стане врага (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 943. Л. 173).

В июле–августе 1914 г. ПТА стало важнейшим звеном в информировании населения России о ходе войны вообще, и в частности о ситуации в Германии и Австро-Венгрии. Правительство субсидировало бесплатное распространение агентских телеграмм в провинции (ЦГА Москвы. Ф. 56. Оп. 177. Д. 3207. Л. 2, 7), они заполняли новые газеты и листки (ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 310), а недобросовестные издатели в погоне за прибылью нередко выдавали их за сообщения собственных корреспондентов (РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 13. Л. 72-73). С новым положением ПТА вынуждены были считаться и крупные столичные издания, которые ранее старались свести количество официальных телеграмм к минимуму. Наиболее крупным изданиям это удавалось: в июне – начале июля 1914 г. агентские телеграммы из-за рубежа составляли не более 20 % от общего количества телеграмм в «Русском слове», около половины – в «Новом времени».

В первые же дни войны на телеграммы ПТА перешли все петроградские и московские газеты, не говоря о провинциальной печати. Информационное поле, таким образом, стремительно заполнялось материалами из одного официального источника. Это, однако, не означало, что ПТА стал монополистом; крупная пресса, не желавшая полностью зависеть от агентства, искала свои источники информации, и поиски эти были небезуспешны (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 22. Д. 47. Л. 10-11). Кроме того, почти одновременно с ПТА информирование печати начало Главное управление Генерального штаба (ГУГШ).

В Ставке и ГУГШ были недовольны тем, как печать освещает войну: публикует слухи, сообщает названия частей и их расположение, открыто рассуждает о перспективах военной кампании (ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 265). Печать, со своей стороны, была недовольна «сухостью» ежедневных сообщений Ставки и суровостью цензуры (РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 12. Л. 27-29). К чему это могло привести, стало ясно после поражения русских армий в Восточной Пруссии в августе 1914 г. Несмотря на максимальное сокрытие данных и молчание газет, слухи о разгроме (как правило, сильно преувеличенные) ходили по стране, и их нельзя было остановить ни цензурными запретами, ни призывами доверять только официальной информации. Высшее командование осознало необходимость сотрудничества с печатью, в том числе – путем постоянных встреч с ее представителями, первая из которых состоялась 3 (16) августа 1914 г.

Встречи, как правило, проходили дважды в день, утром и вечером. ГУГШ представлял подполковник Александр Михайлович Мочульский, делопроизводитель Отдела генерал-квартирмейстера и Главной военно-цензурной комиссии (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 94007. Л. 5). Заседания начинались с оглашения сводок о положении на театре военных действий. Эти сводки печать обязана была предоставлять в неизменном виде и только с пометкой «от Главного управления Генерального штаба». Во второй части заседания Мочульский сообщал о противниках России и ее армиях. Источник этих «неофициальных сведений» Мочульский не упоминал и при этом категорически запрещал указывать в качестве источника Генштаб. По словам Мочульского,

публикация новости «совершенно исчерпывает достоверность», особенно если новость «будет повторена всеми газетами» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 1). Представитель газеты «День» просил разрешения приписывать к этим сведениям фразу «из авторитетного источника». Мочульский предложил помещать эти сведения «на то место, где они видны», что, по его мнению, куда важнее указания источника (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 30). Иначе говоря, печати предлагалось поверить представителю ГУГШ буквально на слово. В целом, с первых заседаний наметилось стремление ГУГШ не только информировать печать, но и активно ее использовать в качестве ретранслятора «правильной» точки зрения на причины и ход войны.

Стремясь получить ценную информацию, представители печати ежедневно задавали Мочульскому вопросы о реальном положении на фронте, однако тот давал в основном уклончивые ответы (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 9 об.). Чем сложнее была обстановка на фронте, тем меньше новой информации прессе удавалось получать. Со временем Мочульский перестал выходить за рамки официальных сообщений и отказывался давать по ним какие-либо разъяснения. Вместо оперативной информации ГУГШ все чаще предоставляло «сведения», непосредственно не связанные с ходом военных действий. Уже в августе 1914 г. «неофициальная» часть новостей значительно превосходила «официальную» по объему. Превалировали сообщения о преступлениях австро-германских войск на фронте и на оккупированных территориях. Неумение врагов воевать доказывалось многочисленными «свидетельствами» о злоупотреблении белым флагом, о трусости вражеских солдат, низкой квалификации командного состава. Общий смысл состоял в том, что Германия и Австро-Венгрия несравнимы по силе с их противниками и их ждет скорое и неминуемое поражение.

Однако поражения русских армий в Восточной Пруссии и стремительное наступление немцев на Париж заставили ГУГШ скорректировать тематику сообщений. Отныне итоговая победа держав Антанты обуславливалась не столько силой их армий, сколько «безнадежным» социально-экономическим положением врага (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 66 об.). Германия и Австро-Венгрия, согласно пояснениям Мочульского, были самыми уязвимыми из воюющих держав, так как их экономика сильно зависела от импорта сырья и продовольствия. Россия же имела серьезные преимущества благодаря «земледельческой» экономике (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 54). Но этими же рассуждениями Мочульский давал прессе понять: достижение решающего военного успеха маловероятно и России надо готовиться к затяжной борьбе на истощение.

С сентября 1914 г. большая часть «неофициальных сведений» касалась внутреннего положения Германии и Австро-Венгрии. В основном сообщалось о резком росте цен, о падении промышленного производства и обнищании населения. Представители печати неоднократно указывали на «сухость» сообщений Ставки, но каких-либо поправок Мочульский не делал. С октября 1914 г. представителям печати раздавались бюллетени «к сведению редакции» (РГАЛИ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 12. Л. 18). Прямые диалоги в этих бюллетенях практически не встречаются: Мочульский не был в них заинтересован, а представители печати уже не надеялись получить от него что-то новое.

В условиях крайне ограниченного выбора источников перед печатью в начале войны вставал выбор: либо публикация «сведений» Мочульского и телеграмм ПТА, либо полное отсутствие новостей из стана врага. На себе эту ситуацию испытало «Русское слово», которое в первые дни войны вообще не получало телеграмм из Германии и Австро-Венгрии. «Сведения» ГУГШ «Русское слово», как и другие московские газеты, публиковало с пометкой «Петроград», что частично снимало вопросы об источнике новостей.

Сложнее пришлось петроградской прессе, которая тоже с недоверием относилась к «неофициальным сведениям». С одной стороны, публикация новостей без источника могла подорвать доверие читателей (Новое время, 1914. 12 августа), с другой – игнорирование «сведений» могло ухудшить и без того натянутые отношения столичной печати с командованием армии. В итоге «сведения» регулярно публиковали крупнейшие столичные газеты – «Новое время», «Речь», «Биржевые ведомости», «Петроградский листок», «Газета-Копейка» и др. По сути это были дословные повторения сообщений, полученных от Мочульского, различался только формат: «Новое время» публиковало их как «последние известия», «Речь» именовала «военными известиями». Некоторые газеты (по ошибке или специально) размещали эти сообщения в «официальной» части, на что резко реагировал Мочульский (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 30). Следует отметить, что не все газеты публиковали «сведения». Некоторые (например, «День» и «Русские ведомости») пользовались тем, что Мочульский «рекомендовал», но не навязывал печати свои новости.

ПТА также большое внимание уделяло внутренним неурядицам в Центральных державах. Активно развивала эту тему и сама печать: ведущие публицисты считали, что война закончится уже в 1914 г., в том числе из-за ограниченных ресурсов и блокады Германии и Австро-Венгрии (Новое время, 1914. 31 июля). В этом смысле телеграммы ПТА служили своеобразными краткими зарисовками. Основной массив сообщений развивал следующие сюжеты: социально-экономический кризис (в том числе – дефицит промышленных товаров и продовольствия), внутрисполитическая борьба, антивоенные настроения, межнациональная рознь, отношения между Германией и Австро-Венгрией.

Социально-экономический кризис стал наиболее популярной темой. Уже в первые дни войны ПТА разослало сообщения о падении германских и австрийских фондовых рынков (*Русское слово*, 1914. 1 августа). В дальнейшем самой популярной темой стала нехватка продовольствия и угроза голода в Германии и Австро-Венгрии (*Русские ведомости*, 1914. 4 августа). Экономические проблемы, судя по агентским телеграммам, производили «отрезвляющий» эффект на население Германии и Австро-Венгрии (*Русское слово*, 1914. 1 августа). Хлебные бунты быстро переросли на страницах печати в политические манифестации. Печать сообщала о «грандиозных антивоенных демонстрациях» в Берлине и других германских городах (*Русское слово*, 1914. 16 августа). Всерьез обсуждалась тема скорого свержения Вильгельма II (*Новое время*, 1914. 21 сентября), а сам кайзер якобы уже «готовил пути отхода»: перевел свои сбережения в американские банки, скупил «огромные пространства земли в Канаде» и после отречения собирался жить в Нью-Йорке (*Новое время*, 1914. 10 сентября). Неоднократно сообщалось о возобновлении внутривнутриполитической борьбы, в частности – об отказе германских социал-демократов поддержать новые военные кредиты (*Речь*, 1914. 5 декабря).

Пик сообщений о революционной ситуации в Центральных державах пришелся на сентябрь 1914 г. Сдерживали население от всеобщего бунта якобы только жесткая цензура, пропаганда и систематическая ложь австро-германской печати (*Русское слово*, 1914. 21 августа). При этом патриотизм немцев и австрийцев неизменно описывался в форме анекдотов и баек, подчеркивался его искусственный и временный характер. Большой популярностью в печати пользовалась история об охоте на русских шпионов, якобы разъезжавших по Германии на автомобиле, набитом золотом (*Русские ведомости*, 1914. 8 августа).

Значительная часть сообщений ПТА и ГУГШ касалась межнациональных отношений в Германии и Австро-Венгрии. Особенно часто в этом контексте упоминалась Австрийская «лоскутная» империя с ее застарелыми национальными проблемами и якобы русофильскими настроениями среди славянского населения (*Русское слово*, 1914. 2 августа). Галиция, судя по заголовкам газет, и вовсе была в восторге от скорого прихода русских «освободителей» (*Новое время*, 1914. 15 августа).

Неоднократно сообщалось также о национальных конфликтах в Германской империи, где представители славянских народов и этнические французы отказывались воевать против России и Франции (*Новое время*, 1914. 10 августа). Пристальное внимание было обращено и на взаимоотношения между самими немцами. Согласно сообщениям ПТА и Генштаба, осенью 1914 г. в Баварии, Вестфалии, Вюртемберге и других германских землях усилилось недовольство Пруссией, которая обвинялась в развязывании непопулярной войны (*Новое время*, 1914. 23 сентября).

Таким образом, исходя из «неофициальных» сведений, крах австро-германского блока должен был произойти максимум за несколько месяцев. Однако ни в октябре, ни в ноябре, ни зимой 1914–1915 гг. Центральные державы не сдались и продолжали сопротивление. При этом «последние известия» продолжали публиковаться на страницах печати. Редакции делали это с явной неохотой: для них тенденциозность и однобокость этих «сведений» была очевидна.

Необходимость изменений в информировании печати осознавали и сами ГУГШ и ПТА. Осенью 1914 г. одной из главных задач стало придание внешней достоверности агентским телеграммам и «сведениям». Обязательным становилось наличие источника информации, в основном это были безымянные «свидетели» и «участники» описываемых событий, а также абстрактная «нейтральная печать». Героями сообщений были, как правило, подданные нейтральных государств – датчане, шведы, норвежцы, голландцы, американцы. В основном сюжет строился вокруг их «недавней поездки» по Германии и Австрии. Большинство новостей начинались с типичной конструкции, например: «Лицо, проехавшее недавно через Швецию из чешской Праги, передает нам следующие подробности о положении дел...» (*Новое время*, 1914. 11 декабря).

Помимо национальности, важную роль играли и другие детали из биографии «свидетеля событий». Финансисты, торговцы, промышленники, политики давали «экспертную» оценку состояния различных отраслей экономики, рассказывали о настроениях в деловых кругах и верхних эшелонах власти. Так, о «бедственном» положении Германии и Австрии заявляли «представитель шведского дипломатического корпуса», амстердамский корреспондент «Нью-Йорк Геральд», американский бизнесмен (*Новое время*, 1914. 8 декабря). В качестве доказательств ухудшающегося положения Центральных держав цитировались приказы по полиции и выдержки из «конфиденциальных разговоров» с представителями местной власти (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 246). Особое внимание уделялось сообщениям австрийской и германской прессы. «Ошибочно было бы судить о германских делах только по немецкой печати», – отмечал Мочульский в декабре 1914 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 264). Однако именно вражеские газеты стали для ГУГШ одним из основных источников информации о внутреннем положении противников (*Русское слово*, 1914. 22 октября).

В начале 1915 г. появились ссылки на немецкие и австрийские письма, выдержки из дневников, государственные распоряжения и оппозиционные листовки (*Новое время*, 1915. 24 января). Активно использовались различные лексические средства и художественные приемы – аллегории, метафоры, олицетворения, фразеологизмы. К примеру, в марте 1915 г. сообщалось о решении германских

властей истребить птиц, уничтоживших запасы хлеба в хранилищах. «Русское слово» метко окрестило это «стрельбой из пушки по воробьям» ([Русское слово, 1915. Бюллетень 15 марта](#)). Олицетворением тяжелого внутреннего положения Австро-Венгрии служил Франц-Иосиф: ПТА и ГУГШ регулярно сообщали печати об обострении болезней и предсмертном состоянии австрийского императора ([Русское слово, 1914. 28 ноября](#)). Часто сообщалось и о болезнях немецких политиков и военачальников, с помощью чего подчеркивалась безвыходность положения австро-германских войск ([Русское слово, 1915. 30 января](#)). Согласно «газетным сообщениям из Лондона», Вильгельм II в декабре 1914 г. заболел воспалением легких, страдает переутомлением и «нервной прострацией», вследствие чего врачи якобы настоятельно рекомендовали ему перестать посещать фронт ([Новое время, 1914. 13 декабря](#)).

Осенью 1914 г. прогнозы о грядущей революции постепенно уступали место подробным аналитическим материалам о затяжном кризисе в стане врага. Сообщения стали чаще содержать статистические данные, стало больше рассказов о повседневной жизни рядовых немцев и австрийцев. Продовольственный кризис описывался в массе деталей – от состава хлеба (в который часто подмешивали суррогаты) до расчета количества потребляемых калорий на одного жителя Германии ([Новое время, 1914. 5 ноября](#)). Подробно освещались введение хлебной монополии и централизованный сбор «отбросов» для нужд хозяйства ([Новое время, 1915. 20 февраля](#)). При этом слово «голод» употреблялось редко, составители «сведений» предпочитали более расплывчатые понятия: «продовольственный кризис», «перебой со снабжением», «усиление экономии».

Между тем сама печать все чаще высказывала сомнения в том, что положение Центральных держав безнадежно. Первые материалы, резонирующие с агентскими телеграммами и «сведениями», появились вместе с возвращением русских подданных, застигнутых войной в Германии и Австро-Венгрии. Один из них, известный историк Н.И. Кареев вспоминал, что жизнь в Берлине в первые дни войны внешне почти не изменилась: «кафе, как всегда, переполнены, дороговизны не замечается, и вообще война почти не отразилась на столице Германии» ([Новое время, 1914. 10 сентября](#)).

В октябре–ноябре 1914 г. в прессу стала проникать и экономическая статистика из Германии; свою роль сыграло постепенное восстановление русскими газетами собственных каналов получения информации из Европы. В октябре 1914 г. «Русские ведомости» пришли к выводу, что хлеба в Германии хватит на целый год. «Если это будет продолжаться и далее, то очевидно, что странам тройственного соглашения придется оставить всякие мечты об экономическом истощении Германии», – считал обозреватель «Русских ведомостей» А. Захаров ([Русские ведомости, 1914. 9 октября](#)).

Корреспондент «Русских ведомостей» в Стокгольме М. Лурье отмечал, что деятельность германского Военно-промышленного совета «дала уже осязаемые результаты», среди которых – снижение безработицы и перестройка экономики на военный лад ([Русские ведомости, 1914. 15 октября](#)). Было опровергнуто «широко распространенное» мнение, что месяц остановки заводов, фабрик и транспорта разрушит политический и общественный строй Германии ([Русское слово, 1914. 9 декабря](#)). На основе экономических показателей Центральных держав Лурье приходил к политическим выводам: «было бы крайне ошибочно преувеличивать значение... отдельных фактов и считать “внутренний мир” уже несуществующим в Германии. Наоборот, почти каждая газета приносит известия о новых его проявлениях» ([Русские ведомости, 1915. 19 февраля](#)).

Похвалы в адрес вражеских государств высказывало и «Новое время», но на первых порах делало это осторожно, устами «сторонних наблюдателей» и представителей союзников России. К примеру, в октябре 1914 г. «частное лицо» из Цюриха сообщало редакции «Нового времени», что немцы не только хорошо подготовились к войне, но и продемонстрировали небывалый подъем духа ([Новое время, 1914. 7 октября](#)). К апрелю 1915 г. осторожные признания, что «перспектива голода немцев, видимо, не слишком пугает», сделали и ведущие обозреватели газеты ([Новое время, 1915. 10 апреля](#)).

Весной 1915 г. все большее внимание русской печати стали привлекать негативные последствия войны для экономики России. Быстрый рост цен на продовольствие ([Кондратьев, 1991: 150](#)) и перебой со снабжением городов топливом ([Новое время, 1915. 5 марта](#)) постепенно стали главной темой внутренних новостей. Высказывались различные варианты решения этих проблем, и нередко делались отсылки к опыту Германии ([Новое время, 1915. 31 марта](#)). Обозреватель «Русских ведомостей» И. Каблуков в апреле посвятил большую статью развитию «азотной монополии», которая позволила германской военной промышленности не зависеть от импорта селитры ([Поликарпов, 2013](#)). М. Лурье писал об опыте немцев по согреванию засеянных полей с помощью отработанной на немецких заводах воды ([Русские ведомости, 1915. 25 июля](#)). «Русское слово» отмечало, что война «подстегнула» германских аграриев эффективнее использовать сельхозугодья ([Русское слово, 1915. 23 июня](#)). Большинство авторов статей об экономике Германии приходили к выводу, что немцам с помощью слаженной работы удалось переориентировать экономику, поставить ее на «военные рельсы» и, по крайней мере, оттянуть момент окончательного поражения.

На этом фоне содержание новостей об Австро-Венгрии практически не менялось. Экономические трудности Австро-Венгрии служили катализатором многочисленных слухов о желании этой державы как можно скорее закончить войну и подписать с Антантой сепаратный мир

([Русское слово, 1915. 10 апреля](#)). В сообщениях ПТА и ГУГШ эта тема поднималась регулярно, причем в контексте общего ухудшения австро-германских отношений. Согласно этим сообщениям, немцы с презрением смотрели на «слабовольных австрияков» ([Новое время, 1915. 31 января](#)). Австрийцы же полагали, что немцы «заставили» их начать войну с Россией в угоду своим интересам. Исходя из сообщений печати, эти противоречия начали выливаться в регулярные открытые конфликты на политическом, военном и бытовом уровнях ([Новое время, 1914. 28 декабря](#)).

Дискуссии о германской экономической политике совпали по времени с началом масштабного наступления австро-германских войск на Восточном фронте. Сильное впечатление на прессу производили не столько военные успехи немцев, сколько их материально-техническая оснащенность. Под влиянием немецкого наступления быстро менялись и взгляды печати на внутреннее положение Центральных держав. «Опыт последнего года показал, что расчеты на истощение пищевых запасов в Германии не оправдались, – констатировало «Новое время», – наука в этом отношении потерпела такое же фиаско, как и расчет артиллерийских управлений, и многое другое». То, что в странах Антанты рассматривалось как признак слабости – экономика продовольствия и боеприпасов – отныне признавалось проявлением немецкой распорядительности и предусмотрительности ([Новое время, 1915. 12 августа](#)).

5. Заключение

Таким образом, уже через год после начала войны полностью потеряли актуальность дискуссии конца 1914 – первой половины 1915 гг. о «скором конце» и добровольной капитуляции Германии. Столь резкие перемены в оценке силы и стойкости Центральных держав имели серьезные политические последствия. Похвалы в адрес Германии и Австро-Венгрии стали своеобразным способом критики власти, в том числе и в официозной печати ([Новое время, 1915. 11 июня](#)). В оппозиционных изданиях эта критика изначально выходила за экономические рамки, главным виновником поражений был назван «реакционный» политический режим ([Речь, 1915. 22 июля](#)). При этом ежедневные сообщения ПТА и ГУГШ о кризисе в Центральных державах продолжали публиковаться в печати, ибо оставалась важнейшая цель – показать, что конец войны близок и усилиями всего общества можно добиться победы. Внутреннее состояние внешнего врага стало важнейшим сюжетом, который использовался как властью, так и оппозицией в обостряющейся политической борьбе накануне революции 1917 г.

Литература

[Абдрашитов, 2012](#) – *Абдрашитов Э.Е.* Российские подданные в Германии в августе 1914 г. и формирование образа врага в годы Первой мировой войны // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика.* Белгород, 2012. № 1 (120). С. 170-177.

[Айрапетов, 2003](#) – *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. М: Модест Колеров, Три квадрата, 2003. 254 с.

[Асташов, 2012](#) – *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М: Спецкнига, 2012. 400 с.

[Боханов, 1984](#) – *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.

[Кондратьев, 1991](#) – *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 350 с.

[Кострикова, 1997](#) – *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 175 с.

[НИОР РГБ](#) – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

[Новое время, 1914](#) – Новое время, 1914.

[Новое время, 1915](#) – Новое время, 1915.

[Поликарпов, 2013](#) – *Поликарпов В.В.* Воздух как стратегическое сырье России начала XX в. // *Вопросы истории.* 2013. № 9. С. 64-76.

[Речь, 1915](#) – Речь, 1915.

[Русские ведомости, 1914](#) – Русские ведомости, 1914.

[Русские ведомости, 1915](#) – Русские ведомости, 1915.

[Русское слово, 1914](#) – Русское слово, 1914.

[Русское слово, 1915](#) – Русское слово, 1915.

[РГАЛИ](#) – Российский государственный архив литературы и искусства.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Сенявская, 2006](#) – *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Филиппова, 2012 – Филиппова Т.А. «Враги России»: Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. 271 с.
ЦГА Москвы – Центральный государственный архив г. Москвы.

References

- Abdrashitov, 2012** – *Abdrashitov E.E.* (2012). Rossiiskie poddannye v Germanii v avguste 1914 g. i formirovanie obraza vraga v gody Pervoi mirovoi voiny [Russian citizens in Germany in August 1914 and the formation of the image of the enemy during the First World War]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya, Ekonomika, Informatika*. № 1, pp. 170-177. [in Russian]
- Airapetov, 2003** – *Airapetov O.R.* (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyutsiyu [Generals, Liberals, and Businessmen: Work for the Front and for the Revolution]. М., 254 p. [in Russian]
- Astashov, 2012** – *Astashov A.B.* (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoi mirovoi voiny [Propaganda on the Russian front during the First World War]. М., 400 p. [in Russian]
- Bokhanov, 1984** – *Bokhanov A.N.* (1984). Burzhuznaya pressa Rossii i krupnyi kapital. Konets XIX – 1914 g. [Russian bourgeois press and big business. The end of the XIX century – 1914]. М., 152 p. [in Russian]
- Filippova, 2012** – *Filippova T.A.* (2012). «Vragi Rossii»: Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noi satire Pervoi mirovoi voiny [«Enemies of Russia»: Images and rhetoric of hostility in Russian satirical press during the First World War]. М., 271 p. [in Russian]
- Kondratiev, 1991** – *Kondratiev N.D.* (1991). Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremena voiny i revolyutsii. [The bread market and its regulation during the war and revolution] М., 352 p. [in Russian]
- Kostrikova, 1997** – *Kostrikova E.G.* (1997). Russkaya pressa i diplomatiya nakanune pervoi mirovoi voiny [Russian press and diplomacy on the eve of the First World War]. М., 157 p. [in Russian]
- NIOR RGB** – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]
- Novoe vremya, 1914** – *Novoe vremya* [The New Times], 1914. [in Russian]
- Novoe vremya, 1915** – *Novoe vremya* [The New Times], 1915. [in Russian]
- Polikarpov, 2013** – *Polikarpov V.V.* (2013). Vozdukh kak strategicheskoe syr'e Rossii nachala XX v. [Air as a strategic raw material of Russia at the beginning of the twentieth century]. *Voprosy istorii*. № 9, pp. 64-76. [in Russian]
- Rech', 1915** – *Rech'* [Speech], 1915. [in Russian]
- Russkie vedomosti, 1914** – *Russkie vedomosti* [The Russian sheets], 1914. [in Russian]
- Russkie vedomosti, 1915** – *Russkie vedomosti* [The Russian sheets], 1915. [in Russian]
- Russkoe slovo, 1914** – *Russkoe slovo* [The Russian Word], 1914. [in Russian]
- Russkoe slovo, 1915** – *Russkoe slovo* [The Russian Word], 1915. [in Russian]
- RGALI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]
- Senyavskaya, 2006** – *Senyavskaya E.S.* (2006). Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva [Enemies of Russia in the wars of the twentieth century: the evolution of the «image of the enemy» in the minds of the army and society]. М., 288 p. [in Russian]
- TsGA Moskvy** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy [Moscow Central State Archive]

Русская печать о внутреннем положении Германии и Австро-Венгрии (1914–1915 гг.)

Игорь Константинович Богомолов ^{a, *}

^a Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется репрезентация внутреннего положения Германии и Австро-Венгрии в русской периодической печати в начальный период Первой мировой войны (август 1914 – июль 1915 г.). Война значительно усложнила пути и способы получения заграничной информации, единственным источником которой осталось официальное Петроградское телеграфное агентство. Другим источником послужили «неофициальные сведения», ежедневно предоставлявшиеся Главным управлением Генерального штаба. Среди прочего агентские телеграммы и «сведения» регулярно извещали о социально-экономическом и политическом кризисе

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: boga_igor@mail.ru (И.К. Богомолов)

в стане противников России. Сообщения об угрозе голода, падении производства, росте безработицы, межнациональной розни в Германии и Австро-Венгрии повторялись ежедневно, причем их количество росло и со временем стало превышать количество сообщений о военных действиях. Поначалу печать вполне разделяла эту точку зрения и ждала окончания войны не позже декабря 1914 г. Однако уже к началу 1915 г. все чаще раздавались сомнения в том, что Германия сдастся добровольно и что ее положение безнадежно. Эти сомнения усилились весной 1915 г., когда на фоне роста цен в России продовольственная политика Германии во многих статьях впервые была оценена положительно. Летом 1915 г. в связи с тяжелыми поражениями русской армии печать открыто признала, что России противостоит сильный враг, который не сдастся добровольно. Признание силы врага стало одним из важнейших факторов внутривнутриполитического кризиса в России.

Ключевые слова: русская периодическая печать, Петроградское телеграфное агентство, Главное управление Генерального штаба, Германия, Австро-Венгрия, пропаганда, Первая мировая война.